

Павел Пономарев

ПБЛБ

Агата Петровна Кукушкина заблудилась в лесу. Она кружилась в неподвластном ей полете абсолютно голой между безлистными стволами высоких деревьев, похожих на резиновые пальчатые перчатки туго спертые воздухом. Ей было душно, весело и страшно в этом лесу, где вместо неба простирался высокий серый потолок с одиноко висевшей лампочкой, красной от накала и безысходности... Когда лампочка не выдержала и лопнула — Агата Петровна проснулась.

Утро было безнадежно серым и тихим. Выпростав влажное одеяло, зажатое между ног, голая женщина, позевывая, подошла к окну, чтобы увидеть унылый двор, пожухлые метлы тополей, указующие в набухшее дождем небо. Август млел. Внизу дворник равнодушно скреб пыльный асфальт, подремывая на ходу. Голуби скопом возились у его ног, заставляя дворника всякий раз вздрагивать и пугаться отвратительной воркотни. «А все же чудный сегодня день...» — глядя в окно, подумала женщина.

Пока мама готовила на кухне завтрак, традиционную яичницу с луком, Агата Петровна мылась в ванной. Это было не скучное откисание, не быстрый душ, где все движения доведены до автоматизма, а настоящий ритуал. Пустив горячую струю в ванну, женщина долго разглядывала худое тридцатипятилетнее тело в зеркале. До этого дня ее наблюдения ограничивались будничным анализом лица на наличие морщинок, мешочков, прыщиков, да и то — весьма поверхностным и «субъективным». После процедуры она вяло бросала зеркалу «нормально» или «пойдет», и шла на работу. Теперь же свое наблюдение Агата Петровна начала с ног. Ноги были бледные, покрытые светлыми волосками, уходившие в тайну женского естества — тяжелые бедра. Она с достоинством провела ладонью по гладкому животу, как если бы была беременна; что-то сладко защекотало внизу.

— Опять самолет разбился! Слышишь, Агата?! Тебе бутерброды делать?! — вещала мама из кухни, любившая слушать и комментировать старенькое радио.

— Не надо! На работе поем! — крикнула дочь, смутившись.

Скользнув взглядом по дверной щеколде, женщина продолжила наблюдение. В зеркале смутно отразились рано повисшие маленькие груди с крупными коричневыми сосками. Агата Петровна пошарила по ванной полочке и, нащупав, надела очки в модной оправе, какие носят теперь университетские девушки. Картина обрела резкость, обнаружив многочисленные родинки на белом теле и отчетливый горизонтальный шрам, в виде улыбки, внизу живота.

Лезвие было приобретено загодя, недели две назад, и пряталось от маминых глаз под толстым матрасом. Агата Петровна сидела на краю ванной, широко расставив ноги, и стыдливо улыбалась самой себе, не решаясь сделать первое движение. «Так все теперь делают, — убеждала она себя. — Если хочешь, чтобы тебя любили — сделай, не трусь...» Отъятые лезвием, на дне ванной появлялись светлые слипшиеся от мыла волоски с капельками крови. Они кружились в водяной воронке и жадно сглатывались черной канализационной дырой.

Щурясь от любопытства, Агата Петровна провела пальцем по чистой немножко колючей коже. На пальце серела пыль. «Пыль? Откуда ей взяться. Пыль...» — прошептала женщина.

Агата Петровна работала в городской библиотеке. Она устроилась туда сразу же после окончания университета. Учеба на филологическом факультете синела в ее памяти июльским безоблачным небом, как время радости и покоя. Но это было давно. Так давно, что она успела забыть имена преподавателей, лобастых голубоглазых подруг с длинными косами, правила орфографии, памятники филологических святынь, вызубренные когда-то до обмороков и нервных припадков. Юная выпускница не знала, куда девать столько полезных знаний, «сокровищ разума», как говорили учителя, и все благополучно забыла. Теперь она *ложила* маме на стол лекарства, чтобы та выздоровела, и *одевала* плащ в дождливую погоду, чтобы не простудиться.

Библиотека серела на горизонте кирпичной двухэтажной коробкой. Дорога тянулась в бесконечном лабиринте безликих пятиэтажек, где, странное дело, — дремали, умывались, пили чай с сахаром живые люди. «Разве так можно... — на ходу рассуждала Агата Пе-

тровна. — А что, если бы люди жили под деревьями, в шалашах или хижинах». Она представила: сухими ветками потрескивает огонь, вкусно пахнет дымком, дети, склонившись над ароматным котлом, предвкушают завтрак перед походом в школу... Агата Петровна улыбается и от странных мыслей, зачем-то пришедших в голову, и от того, что у нее непривычно покалывает там, внизу. Серая библиотека надвигается, вырастает молчаливой стеной с квадратными окнами, и без всякого аппетита проглатывает худенькую женщину в летнем неброском плаще.

Внутри библиотеки тихо и пусто. Здесь царит прелестная осень. На полу, на широких листьях растений, на каждом голосе и шорохе лежит печать смерти. Сотрудники библиотеки — несколько одиноких женщин — как духи неслышно перемещаются из комнаты в комнату, будто совершают таинственный, только им понятный обряд. Посетители бывают редко. Точнее, посетителей нет, но есть *посвященные*. Глухие бородатые старички, сутулые юноши с лицами серафимов, печальные розововолосые дамы, — все в странной одежде, которую теперь не носят, все молчаливые и бесшумные, как тени — они тоже служители таинственного обряда. В холле пахнет кофе из автомата и книжной пылью. Посвященные кофе пьют мало, но много читают. Хотя слово «читают» разорвалось бы в этом Храме атомной бомбой — слишком грубо, пошло. Не читают — священнодействуют.

Пройдя длинный пустынный коридор, Агата Петровна вошла в просторный зал с книжными стеллажами и заняла рабочее место. Этим местом был старинный стол с инвентарным клеймом на боку, с каталогами и компьютером, откуда она выдавала книги посвященным. Агата Петровна достала из сумки мамины бутерброды, но завтракать не стала. Сегодня ей хотелось нарушить обычную внутреннюю отстраненность от мира людей и поболтать с Машей — студенткой, подрабатывающей в свободное от учебы время на полставки. В библиотеке Маша имела должность «разнорабочего»: сметала вековую пыль с дальних полок, расставляла книги, поливала цветы. Поводов для праздной беседы было как минимум два: во-первых, не было посетителей, а во-вторых, в библиотеке завелись крысы.

— Маша, угощайся бутербродами! Ты совсем худенькая. Худее меня.

— Спасибо, не хочется, — с выражением ужаса на симпатичном личике, ответила Маша, раздирая какую-то ветошь на тряпки. —

Пока тут крысы, я не буду ничего есть. К тому же сторож рассыпал отраву по всем углам. Крысы, бе-е-е...

Милое личико изобразило гримасу отвращения. Агата Петровна добродушно затряслась в неслышном смехе. Горевшие на потолке через одну лампы тоже смеялись и потрескивали электричеством.

Маша была нелепой ошибкой, смешливой ересью, бесенком в этом сумеречном святилище с вековой пылью и сгоревшими лампами. Удивительно, почему местные «жрицы» до сих пор не изгнали ее с проклятьями или, по крайней мере, не сократили на законных основаниях. Мало того, что Маша, пропадая на ночных тусовках, постоянно опаздывала на работу, чего никогда не позволяли себе *старейшины*, — она вдобавок терпеть не могла классическую литературу. И вообще не любила читать. Когда однажды заведующая библиотекой, почтенного возраста дама, поклонница Чехова и Толстого, спросила, читала ли она «Анну Каренину», то Маша, с присущей ей простотой ответила: «Нет, не читала. Я достаточно хороша собой, чтобы не читать книги». Заведующую едва не хватил удар. Готовые фразы о «богатом внутреннем мире» и «безднах мудрости, хранящихся в книгах, которыми автор бескорыстно делится...» и прочее бла-бла — застряли у заведующей в горле. Маша чудом не лишилась работы.

— Машенька, а знаешь, как сторож объяснил появление крыс в библиотеке? — подогревала разговор повеселевшая Агата Петровна.

— Да ну вас, — сердито буркнула девушка.

— Он говорит, что всему виной ресторан...

— Какой еще ресторан? — оживилась Маша.

— Не знаю, откуда он взял, но сторож уверен, что в здании библиотеки скоро откроют ресторан быстрого питания.

— А зачем этим дрищам с книжками целый ресторан? — задумчиво сказала Маша. — Я думала, они книжной пылью питаются...

— Да нет же, — смеялась Агата Петровна, — библиотеки не будет, а будет ресторан... ну или еще какое увеселительное заведение.

— Кру-уто! — воскликнула Маша. — Значит, если повезет, я устроюсь официанткой, и прощайте скучные книжки и грязные тряпки!

— Размечталась! По-моему, это всего лишь бредни старого алкоголика...

Зачарованные смутными надеждами, женщины смеялись.

Смеялись Гоголь, Достоевский, Чехов (придерживая пенсне пальцем), смеялись Лесков, Зощенко, Розанов (только что отобедав

щами), смеялся раскатистым пролетарским смехом забытый поэт Курочкин, из бездн бытия грохотали Кант, Гегель, Хайдеггер, съезжая и падая с полок; злобно похохатывали авторы советских передовиц, смеялись Пруст, Джойс, Ремарк, от смеха всхлипывал Кафка, похихикивал в бороду многотомный Ленин... Только заведующая библиотекой не смеялась. Она знала правду. Валентина Ивановна, налив рюмку коньяка и обведя глазами пожелтевшие стены кабинета с пергаменами обоев, прощалась с библиотекой.

— Маша, перестань! — отмахивалась Агата Петровна, не в силах сдержать смех, наблюдая, как девушка танцует с тряпкой. — Нас уволят, Машенька, ну перестань...

— Обязательно уволят, Агата Петровна, — вальсировала Маша по залу. — Раз-два-три, раз-два-три, мертвые крысы, раз-два-три, раз-два-три, мертвые книги, раз-два-три, раз-два-три, мертвые люди, раз-два-три, раз-два-три...

— Ну что за чепуха, Машенька, перестань! Это слишком!

Маша дотанцевала до читательского кресла, бухнулась в него и замерла в задумчивости.

— Агата Петровна, — сказала она через минуту, — вы сегодня какая-то не такая.

— Ты о чем? — отвела глаза женщина, делая вид, что перебирает каталог. — Со мной все хорошо. Опять ты выдумываешь.

— Нет. Не выдумываю. У меня на это нюх. Вы какая-то веселая сегодня.

— С тобой не соскучишься, — усмехнулась Агата Петровна.

— Моя парадоксальная интуиция подсказывает... Я ведь правильно употребляю слова? Так вот. Она мне подсказывает, что вы в кого-то влюбились.

Воздух замер.

— И что, сильно заметно? — потупилась библиотекарьша.

— Очень! Вас как будто подменили. И эти очки, и прическа, и кофточка с вырезом... Все дело в моей парадоксальной интуиции!

Обычно Агата Петровна пользовалась компьютером по назначению, в памяти которого находилась база данных по всем ресурсам библиотеки. Слабенький интернет ее мало интересовал. Но недавний договор с добросовестным провайдером оказался в некотором роде сделкой с дьяволом. Интернет стал «летать» и увлекать в мажорные виртуальные бездны скучающую одинокую женщину. По со-

вету Маши Агата Петровна зарегистрировалась в популярной социальной сети, и жизнь ее приобрела смысл. Запестрели волшебные картинки с альпийскими лугами и морскими прибоями, заиграли ностальгические мелодии отечественной эстрады, заговорили краткими афоризмами многословные гении... И, казалось, ни конца не будет этому, ни края. Однако же в эту идиллию вторгся голос *другого*, и этим другим был мужчина. «Другой» сообщил: «Привет! Меня Славик зовут. Давай общаться».

Внезапное послание вызвало в женщине душевное оцепенение. В этот день она роняла книги, путалась в заученном наизусть каталоге, не могла читать, есть, болтать с мамой, смотреть вечерние новости. Мама взялась было пичкать ее таблетками, заподозрив простуду, но всегда послушная дочь с криком отвергла лечение и заперлась у себя в комнате. Всю ночь, лежа одетой на кровати, она разглядывала единственную фотографию сына, умершего в младенчестве, вспоминала движения его розового тельца, улыбку, и плакала. Отца Ангелочка (так она называла своего сына) Агата Петровна не вспоминала. Забыла его. Он хранился где-то глубоко — в мертвом углу памяти вместе с правилами орфографии и косами университетских подруг...

На следующий день после этого случая Агата Петровна не вышла на работу, взяла больничный. Еще через день она пришла с опозданием, выслушав красноречивый выговор заведующей с цитатами из классиков, и долго еще не решалась включить компьютер. Она смотрела на потухший монитор с недоверием и страхом. Однако в конце рабочего дня женское любопытство возобладало над смутными чувствованиями, и библиотекарша, до рези в глазах зачитав нехитрое сообщение, все же решилась ответить. Робкими движениями указательных пальцев она долго набирала: «Здравствуйте, Вячеслав. А мы разве знакомы? Для общения должны быть серьезные причины, какие-то общие интересы. А я вас совсем не знаю».

Ответ появился довольно скоро, на этот раз с осторожным «вы»: «Извините. Не подумайте, я не извращенец какой-нибудь. Я хочу душевно пообщаться».

Уважительная интонация «письма», — несмотря на чрезмерную, как ей показалось, искренность, — все же успокоила женщину. «А разве мужчины могут иначе...» — застенчиво рассуждала Агата Петровна, и ей вдруг захотелось узнать, как выглядит таинственный Славик.

Среди безвкусных демотиваторов, шикарных тачек и большегрудых женщин она смогла отыскать лишь одно фото «с Вячеславом», не подозревая о том, что выразительные глаза цвета стали, пронзающие насквозь, и пленительный южный загар, — принадлежат вовсе не Славику, а известному голливудскому актеру, герою боевиков. Жуткое противоречие «благородного лика» с обрамляющей его шелухой — было разрешено Агатой Петровной мгновенно. Наличие единственной *его* фотографии в альбоме она отнесла природной скромности Вячеслава, а прочий мусор сочла за невинные «мужские слабости». Кто-то невидимый задел ее сердце влажной веткой сирени и вложил в слух соловьиные трели...

В это же время между Славиком и Агатой Петровной завязалась романтическая переписка.

«...Вячеслав, извините, если мой вопрос покажется нескромным: чем вы занимаетесь в жизни?»

«Да много чем. Но вообще бизнесом занимаюсь», — тыкал в ноутбук охранник школы № 2, помешивая свободной рукой чай и наблюдая краем глаза за проворными движениями сдобной уборщицы.

«Должно быть, это невероятно сложно и отнимает массу времени?»

«По-разному. Я ведь на себя работаю, не на «дядю». Сам себе устраиваю отпуск, ездим с друзьями на рыбалку. Ну и за кордоном бываю, конечно. Море, песочек, пальмы. Но у нас все равно круче. Я такие места в крае знаю — душа поет».

«Так вот откуда у него загар, — очаровывалась женщина, — и не лишен чувства прекрасного...»

Довольно скоро, почувяв душевное расположение адресата, Славик сменил тактику и стал отвечать с некоторой ленцой и вежливым снисхождением. Тогда как Агата Петровна от нахлынувших чувств, что называется — «не знала себя», хотя внешне оставалась все той же неслышной тенью и верной служительницей Храма.

Подруг у Агаты Петровны не было, с мамой она давно уже не делилась ничем личным, и все держала в себе. Жизнь библиотекаряши вступила в фазу долгих мучительных вечеров, поскольку дома компьютера не было, и вожделенного дневного подполья. Выдав книги посвященным, всегда внезапно материализующимся у стола, библиотекаряша целиком уходила в свою сказку, где ее ждал мужественный и немногословный Славик. Вслед за Машей ее тоже унесло в «ересь»: мир заиграл новыми красками, зрачки увеличи-

вались и сужались, а речь все чаще срывалась в чувственные пропасти многоточий...

— Кто он? Как он? О чем вы с ним переписывались? — допытывалась Маша.

— О разном, Машенька, о разном... — уклончиво отвечала Агата Петровна, краснея.

Перед ее глазами мгновенно всплывали все его куцые сообщения, подвергнутые слепому анализу влюбленной женщины. Иногда ей казалось, что он пишет нехотя, с холодком, что, придя однажды на работу, она не обнаружит необходимого, как воздух, послания. А иногда усматривала в обычном слове скрытую нежность — верила и цвела, словно яблоня, белым цветом.

«...Вы сегодня так поздно ответили. Если честно, я уже стала переживать... Наверно, опять засиделись в офисе. Вы себя не жалеете...»

«Да нет, не в офисе, в качалку ходил», — лежа отвечал охранник, грея на брюхе холодную бутылку с пивом.

«Это правильно. Здоровье поддерживать с вашей вредной работой (смайлик) просто необходимо. А я вот взялась перечитывать Достоевского. Не знаю, к чему бы это...»

«Достоевский — это когда из человека сделали собаку и утопили в пруду. Помню. Читал в школе. Грустная история».

«У Достоевского все истории грустные... Но, должно быть, вы путаете Достоевского с Булгаковым (смайлик). Это в повести Булгакова описывается эксперимент, где милую дворняжку превращают в советского человека Шарикова. Ах, Булгаков... Помню, как еще в школе зачитывалась «Мастером и Маргаритой», и хочется перечитывать этот роман снова и снова... Ой, я такие вам скучные вещи говорю... Издержки филологического образования (смайлик)».

«Да ничего. Пресс вот подкачал, теперь отдыхаю. Мне интересно».

«Очень на это надеюсь...»

«Я вот прочитал недавно, что наш мозг развит всего на десять процентов. И когда ученые изобретут «препарат», чтоб на всю катушку развить мозг, тогда все... Короче, человек станет богом и все поймет. Может, и мы доживем до такого. Я как узнал — офигел».

«А еще говорите, что книжек не читаете, скромничаете. Такие интересные вещи узнаете. Да, я тоже об этом слышала. И если это произойдет, то совершенный человек не будет заниматься глупостями. Затихнут войны, закроются детские дома, все будут счастливы... Ах,

мечты, мечты... Знаете, Вячеслав, мне иногда кажется, что нет никаких преград, что мы с вами сидим совсем рядом и разговариваем... А ведь в реальности мы видим только слова, слова, слова...»

«Так можно встретиться и поговорить. В чем проблема».

«Вы серьезно?»

«Ну да. А то столько писать, я скоро сам Достоевским стану. И будут меня в школе изучать».

«Как вы хорошо шутите (смайлик). Но, если вы серьезно о встрече, то я согласна... Только скажите — где, когда...»

В самый неподходящий момент, когда Маша с дьявольским хохотом гналась за Агатой Петровной между стеллажами, оставляя за собой трупы изувеченных книг, в зал неслышно вплыла Валентина Ивановна, что называется с «опрокинутым лицом» и глухим голосом произнесла: «Что тут у вас происходит?»

Вместе с лицом вошедшей «опрокинулся» и сам воздух. Даже ветхозаветные лампы перестали щелкать электричеством, а лучистая улыбка висевшего на стене Чехова померкла, обратилась в скупую скорбную нить.

— Агата Петровна, вы меня удивляете... — уперлась заведующая твердым вопросительным взглядом, присмотревшись к которому, можно было, впрочем, заметить шальной коньячный огонек.

— Это все я, Валентина Ивановна, — вступилась Маша, — я пугаю Агату Петровну крысой. А это не крыса — просто тряпка. — Для убедительности девушка с серьезным видом помахала в воздухе фальшивой «крысой».

— Крысы? — удивилась заведующая. — А разве Семен Егорыч не выполнил мою просьбу? Хотя... Крысы на корабле правда ведь дурной знак, — внезапно хохотнула она и строго добавила: — Пожалуйста, зайдите ко мне обе в кабинет.

Женщины испуганно устали на заведующую. Заметив это, она сказала: «Ничего особенного. Обычное совещание», — и, лихо развернувшись на каблуке, несколько лавируя, уплыла обратно.

В просторном и всегда пасмурном кабинете заведующей, освещаемом разве что двумя портретами классиков, уже сидело несколько человек. Среди взволнованных дамских голов заметно выделялась лысина сторожа Егорыча, известного тем, что он помнил на месте библиотеки общественную баню, в которой не раз, по его словам, «выпаривал душу». Огромный канцелярский стол, торжественно черневший в

центре кабинета, к удивлению присутствующих был покрыт дешевой желтой клеенкой и пах чесноком. Стол с отворачиванием чувствовал на себе початую бутылку коньяка, целую бутылку водки, отряд пластиковых стаканчиков и блюдо с колбасно-майонезной закуской.

— Товарищи! Родные мои коллеги! Друзья!.. — со скорбью в голосе начала Валентина Ивановна, подыскивая нужные слова. — Я собрала вас здесь, чтобы сообщить... Одним словом, мне больно проносить это, но нас закрывают...

Воздух опрокинулся второй раз. Женщины стали похожи на рыб, которых положили на песок в метре от океана. Женщины забыли про закуску и водку. Один лишь Егорыч, зажмурив выцветшие глаза, улыбнулся и пробормотал: «Вот ить, а не верили курвы».

Выдержав паузу, заведующая продолжила:

— Ничего не поделаешь, дорогие коллеги — распоряжение комитета по культуре города. Сам мэр звонил мне с поддержкой и пониманием, просил не расстраиваться и обещал помочь... Но об этом позже.

Валентина Ивановна подошла к открытому окну, помяла тонкую сигаретку влажными пальцами и закурила.

— Мало кто помнит, как я пришла сюда еще совсем девчонкой... И библиотека, вот эти самые стены, — посмотрела она на желтый потолок с дождевыми пятнами, — стали мне родным домом. Да, непросто мне было, молодой матери с ребенком, впрягаться в серьезную общественную работу. Но я до конца своих дней буду убеждена в том, что библиотекарь — это призвание! Что библиотекарь — это звучит гордо! До этого злополучного, я бы сказала, черного дня мы делали мир лучше. Мы влагали огонь просвещения в сердца граждан! В стенах нашей библиотеки написаны сотни научных статей и даже диссертации. А поэтические вечера, а встречи с местными литераторами... Вам ли не знать, сколько бесценных минут мы пережили, осознавая, что в этом есть и наша заслуга. Но времена меняются... Да, коллеги, время неумолимо идет вперед, но, задумайтесь, к чему мы идем?! Молодежь не читает книг, дети с утра до ночи сидят в компьютере и списывают с сайтов готовые задания. Интернет... — поперхнулся оратор. — Сколько невинных душ загубила эта зараза, этот поистине опиум для народа! Когда в последний раз вы видели в библиотеке школьника? Кто мне ответит? Школьник умер для библиотеки! А библиотека будет жить вечно! Пусть и в нашей памяти, в наших просвещенных сердцах!

В кабинете раздались мокрые неуверенные хлопки и смятенные возгласы:

— Как же так!

— Что же теперь с нами будет?!

— Твою ж мать...

— А пенсия...

— Спокойно, коллеги! — пробасила заведующая, предупредив панику властным жестом руки. — «Край» нас в беде не оставит. Администрация проявила заботу... Послушайте внимательно! Со следующей недели вам предлагается выйти в бессрочный отпуск...

— Как отпуск!

— А жить на что?

— Секундочку, коллеги! Выйти в бессрочный отпуск до того момента, пока здание библиотеки не будет преобразовано в ресторан быстрого питания с рабочим названием «Живем вкусно». Руководители данного проекта... (читает) «предлагают бывшим сотрудникам библиотеки занять выгодные вакансии по окончании строительных работ в ресторане...»

— Хм, нас уже в бывшие записали, а меня, между прочим, читатель ждет... — прогнусавила дама в пепельном парике.

— Да бог с ними, с читателями, скажите лучше, какого рода вакансии?

— Бред, бред, бред... — шептал кто-то в углу.

— С вашего позволения, — галантно обратился к заведующей Егорыч и, получив одобрительный кивок, разлил водку.

Тризна по библиотеке началась с минуты молчания. В эту минуту человек с хорошим слухом и ясным сознанием мог явно различить в соседнем зале животные шорохи и злорадный писк. Это крысы, нажравшись ядовитого корма, ошалело бегали по распростертым на полу книжкам, пробовали страницы на вкус, срыгивали, мигали угасающими глазками, корчились в агонии и кончались тут же на чихотываемых мыслях. Их никто не слышал. Каждый слушал себя. Дамы пили водку, смотрели в пол, думали о будущем. Маша с аппетитом жевала бутерброд, не понимая происходящего, едва сдерживая улыбку. Агата Петровна, имитируя общую скорбь, цвела сердцем, находя в случившемся признаки *новой жизни*. Какой — она еще не знала. Но верила, что сегодняшняя встреча, да что встреча — свидание с женщиной, изменит ее жизнь, сделает из бесполой бюджетницы лю-

бимую жену, мать, — женщину, наконец. «К черту, к черту библиотеку, — думала она. — Пусть ее не будет вовсе. Пусть в нее ударит блуждающий метеорит из параллельной вселенной и разнесет вдрызг, а яму заровняют и посадят на этом месте вишневые деревья... Впрочем, нет, не деревья. Лучше цветы: розы или тюльпаны, да, тюльпаны... Чтобы прогуливаться по летнему парку, держась одной рукой за *него*, а другой... да, держать маленького Ангелочка, светловолосого, умного, красивого. И чтобы небо над головой, а в небе — Солнце...»

Вечерние сумерки вползали в пыльную тишину коридоров, съедая сельские пейзажи на стенах, сами стены, блеклую герань на полу, кресла... Умолкли крысы; книги, привыкшие к чьим-то глазам, вспоминали о родстве с древесиной. Забытый читатель в пустом зале, склонившись над томиком стихов, теребил козлиную бородку, думал: «Зачем? Зачем? Ведь я еще так молод...» Билась о стекло августовская муха... И порывами откуда-то из недр здания доносились непонятные звуки — не то смех, не то плач, не то бабий причет, не то площадная брань...

Агата Петровна сбежала по бетонным ступеням, размахивая сумочкой. «Навсегда», — подумала она, но не оглянулась. Посмотрела на часы, поняла, что опаздывает, заторопилась. На ходу вытащила зеркальце. Увидела чьи-то глаза, косую улыбку на бледных губах, кусочек серого неба.

Безлюдные улицы томились от зноя, едва слышный ветерок предвещал дождь и грозу. Но теперь было тихо. Не лица — листья попадались на глаза: огромные, тополиные, похожие на пожелтевшие рукописи, — кружили, шелестя, по асфальту. Еще раз — зеркальце, потом — часы... Встреча была назначена в старом городском парке у памятника Ленину, где до революции было кладбище, а после войны туда пришли хмурые люди, заровняли холмики экскаваторами, бойкие пионеры насадили деревья — и стал парк. От кладбища осталась лишь крестообразная часовня, переделанная в планетарий. Духовный телескоп сменили на фабричный, с крупными линзами, и Бога стало не видеть, а — только какую-то звездную муть, от которой пионеры приходили в восторг.

Агата Петровна села на лавочку под липами, недалеко от памятника, заметив, что там — никого. Никого, кроме свежевыкрашенного Ленина, застывшего в позе камаринского мужика и воняющего краской. В эту минуту она не искала утешения у природы — вечно дремлющей и похожей на проснувшегося в похмелье человека, который, безумно тараща глаза, никак не вымолвит слова. Напротив, запах дешевой краски отрезвил

ее и пробудил давнишние воспоминания. Она представила солнечный день, торжественную линейку в актовом зале, посвящение в октябрята. Потом — задорные песни, сдержанные улыбки учителей, цветы, банты... Вспомнила, как боялась острой булавки на пятиконечном значке. Боялась, что старик директор трясущейся рукой случайно проткнет ее маленькое сердце, и она умрет. «...Но ведь не умерла же. Сижу, жду. И так даже лучше, что сижу здесь. Я замечу его первой и придумаю, как выйти к нему достойно. Я скажу ему: а вот и я... Нет, пошло. Лучше: простите за опоздание, Вячеслав, задержалась на работе... Работа? Ах да, работа... Раз-два-три, раз-два-три, мертвая Маша... Хм... Но почему его до сих пор нет. И вообще никого нет. Одна я. Сижу тут, как дура, на лавочке. А если он не придет...» — болезненно улыбнулась Агата Петровна, и голова ее закружилась. Парк мгновенно превратился в зеленую центрифугу. Теряя сознание, она с ужасом заметила, как Ленин, подмигнув ей черным глазком, показал неприличный жест в виде скрещенных рук, означающий крайнюю степень неудачи. Сознание женщины опрокинулось во мрак. Над парком сверкнула молния, и пошел дождь.

Агата Петровна очнулась в знакомой комнате. Над собой она увидела морщинистое некрасивое лицо мамы с заплаканными глазами и незнакомого мужчину со шприцем в руке. Она слышала шум дождя за окном и тошнотворный запах рыбьего супа. Ей было зябко и неуютно в мокрой одежде. Она почему-то сравнила себя с рыбой, той, что чистила утром мама, и обнаружила, что неспособна улыбнуться.

— Вас что-нибудь беспокоит? — вкрадчиво спросил доктор.

— Пыль, — тихо произнесла женщина.

— Какая же пыль в такую погоду, — широко улыбнулся доктор. — Кстати, — обратился он к маме, — нынче обещают дождливую осень и кучу грибов.

— Пыль... — снова повторила Агата Петровна и закрыла глаза.

— Ничего страшного, — сказал доктор маме, — это нервы. Запомните: сон и покой, сон и покой.

